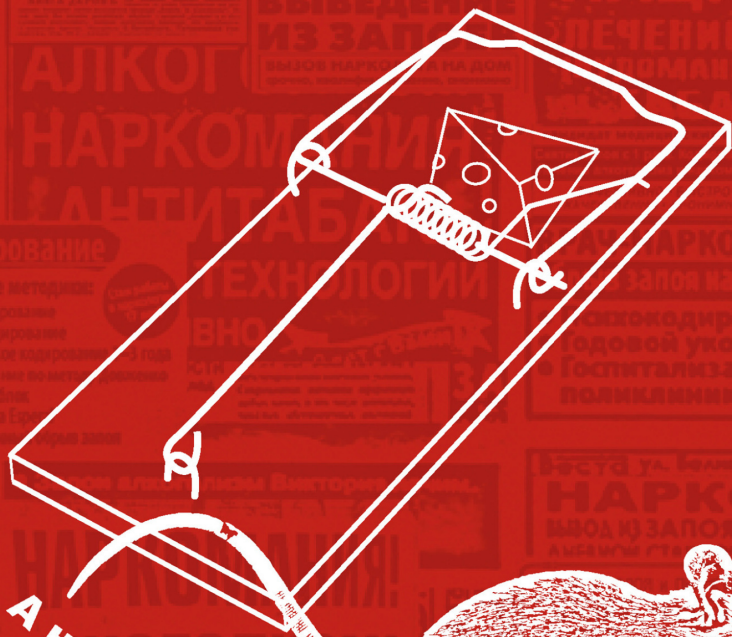

Андрей В.

КРЫСИНАЯ ВОЗНЯ

записки
реабилитанта

А не пора ли
завязать?

Андрей В.
Крысиная возня.
Записки реабилитанта
Серия «Одобрено Рунетом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70034572

Крысиная возня. Записки реабилитанта: [повесть] / Андрей В.: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153961-0

Аннотация

«У каждого человека полно тайн.

Я хочу рассказать о своей – зависимости.

Это подлинная история, которая произошла со мной.

Все слышали про реабилитационные центры, но мало кто знает, что там происходит на самом деле.

В этой книге я описал 11 месяцев моей реабилитации – жестокая правда, о которой не принято говорить. Но всю эту жесть я постарался преподнести максимально позитивно».

Андрей В.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	54
Глава 14	61
Глава 15	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей В. Крысиная возня. Записки реабилитанта

© Андрей В., текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Дизайн обложки: Юлия Межова

* * *

*Посвящается моей маме и всем тем людям, о
которых эта книга*

*Все, что описано в этой книге, происходило на самом деле.
Все имена, даты, места событий настоящие.*

ПРАВДА ВСЕ!!!

* * *

*Каждый из нас одинок и всем на всех наплевать,
и наша боль – необитаемый остров.
Альбер Коэн*

Я смею все, что можно человеку. Кто смеет

больше, тот не человек.

В. Шекспир. Макбет¹

Кто уклоняется от игры, тот ее проигрывает.
Арман Жан дю Плесси (кардинал Ришелье)

¹ Перевод М. Лозинского.

Пролог

Началось все это 9 мая 2021 года.

Был день 76-летия Победы. Проснулся я по обыкновению рано и ждал парада.

Проснувшись, я начал вспоминать, как мы с дедом, бабушкой, отцом, матерью и братом тридцать шесть лет назад отмечали сорокалетний юбилей этого бессмертного праздника. Все были довольны и счастливы – особенно дед, который прошел всю войну, – наготовили много разной еды, взрослые пили алкогольные напитки, а нам с братом это было и не надо.

Начался парад, он был не такой, как в моем детстве, а намного грандиознее – новейшее вооружение, самолеты, вертолеты, «старый» – «новый» президент.

Пить я не собирался, но в подсознании сидела мысль, что этот день как-то нужно отметить – так принято.

Долго дома я усидеть не смог и побрел к своему другу Тимуру, который жил в пятнадцати минутах от меня. Подойдя к его дому, я постучал к нему в окно, так как он жил на первом этаже. У Тимура, в свою очередь, в голове тоже сидела мысль, что этот день нужно как-то отметить. И мы, недолго думая, пошли в магазин, который находился прямо в его доме. Купив немного выпить и закусить, мы удобно расположились на пятом этаже в его подъезде, прямо около заварен-

ного мусоропровода.

Поговорили о войне, о Сталине, о Гитлере, о Путине, об оружии, о политике – в общем, время провели с пользой. Довольный, я пошел домой. Купил еще немного выпить или встретил кого-то по дороге, я уже не помню. А дальше все пошло по классике праздничного дня.

Но моей фатальной ошибкой было то, что я начал похмеляться десятого мая, а так как я человек зависимый от разного рода дурманящих сознание веществ, остановиться сам я уже не смог. Не остановили меня ни потеря ключей от квартиры, ни полное отсутствие денег, ни рваные вещи, ни стыд перед соседями, ни-че-го.

Ровно через месяц, девятого июня, ко мне приехали мать и водитель брата.

Понадеявшись на то, что они, как обычно, отвезут меня в хорошую наркологию, чтобы прокапаться, подлечить нервы и печень, восстановить сон, я поехал с ними, попросив только пивка в дорожку. Но в этот раз все пошло совсем не так.

Состояние мое было плачевным, и в тот момент я был готов ехать куда угодно, хоть на кладбище. Чудным образом я очутился в каких-то московских двориках, в машине с двумя очень энергичными, веселыми и здоровыми ребятами. То и дело я выползал на улицу, чтобы покурить, а также разводил их на выпивку.

Наконец в машину залез какой-то интеллигентный дедок с седой бородкой, и машина тронулась с места. По дороге

они купили нам по маленькой баночке дешевого пива.

А дальше началась совсем другая история, о которой я и хочу рассказать.

Глава 1

Начало

*Надоели друганы?! Вымогатели, жиды.
Я про них про всех забуду,
На вершине жить я буду.
Я не буду моросить
И табличку чувств носить.*

Очнулся я на первом этаже деревянной самодельной двухъярусной кровати. Состояние было такое, как будто меня купали в соляной кислоте, а потом били, а потом опять купали и били. Кто-то говорил, что я вообще не выживу.

Помню этот день короткими вспышками – врача с капельницей, какие-то лица, бородатого мужика, туалет с оранжевой плиткой. И так продолжалось еще около двух дней. Кто-то должен был постоянно находиться со мной *на поддержке* (так это там называлось) во избежание неприятностей, чтобы я не упал, не разбился, не вскрыл себе вены или не спрыгнул с балкона на перекуре. Примечательно, что все там постоянно курили, раз по пятнадцать в день.

В пятницу (а привезли меня в среду 9 июня) со мной на поддержке находился все тот же бородатый мужик. Я узнал, что его зовут Саша Ж. Меня сразу же смутила добавленная зачем-то к имени буква. На самом деле, здесь к имени часто

добавлялась первая буква от фамилии – для иллюзии анонимности, а также во избежание путаницы, потому как людей с одинаковыми именами могло быть до семи-восьми человек.

В 8:00, после подъема, мы пошли с ним *на чайхану* – так там называлось утреннее чаепитие с одной конфетой или печеньем. Хотя вообще-то по утрам все пили не чай, а кофе.

Столовая, где проходила чайхана, была ужасна: черные натяжные потолки, обшарпанные стены с наклеенными на них сиреневыми обоями, люстры, в которых не горело 70 % лампочек, и вид из окна на какой-то старый автохлам. Я понял, что это реабилитационный центр.

Раньше я уже был в реабилитации, в Подмоскowie, откуда сбежал через два месяца. А потом попал туда снова через три недели и задержался еще на три с половиной месяца.

Но это был Брянск.

А потом был завтрак, обед и ужин – это кошмар! Для человека, который «провел на кухне» сорок лет, тамошняя еда была просто кулинарным преступлением. На завтрак каша, два тончайших кусочка дешевой вареной колбасы, кусочек пластикового колбасного сыра и пластик комбижира, который все называли маслом. На обед отвратительный суп из одной курицы на 50 человек и большая сиреневая пластиковая миска с мерзким салатом – на четверых, а то и на пятерых. Еще разносили лоток с дополнительным хлебом, на который все слетались, как голуби на пшено. В субботу был

самый изысканный в своей мерзости салат из тертой соевой вареной колбасы, колбасного сыра и майонеза.

Рецепт

3 кг дешманской вареной колбасы

2 кг пластикового колбасного сыра

головка чеснока

750-граммовая пачка майонеза

3-5 помидоров

Не передать словами этого мерзкого вкуса, не описать, на что была похожа эта субстанция. Сразу возник вопрос: «Какому кулинарному „гению“ пришло в голову тереть вареную колбасу на терке?» Салат этот напоминал паштет из дождевых червяков в майонезном соусе. С этого салата и началась моя борьба с этой системой.

В столовой меня посадили за самый непрестижный стол, который находился между двумя стенками. Перекладина для шторки говорила, что раньше там был VIP-кабинет. Такой своеобразный грот в столовой.

Нужно добавить, что раньше в этом здании находилась то ли база отдыха, то ли бордель, слухи ходили разные. По степени износа здания можно было понять, что ему лет шестьдесят, поэтому оно и разваливалось.

Вообще-то дом был громадный и длинный. Это был не

обычный коттедж, которые снимают предприимчивые граждане для аналогичных нужд в Подмоскowie. Это было очень похоже на базу отдыха советского типа. На втором этаже было два больших зала – групповая и столовая, – соединенных длинным коридором с дверями по обе стороны, ведущими в комнаты реабилитантов и консультантскую. На первом располагались кухня, баня, такой же коридор и такие же комнаты, где проживали дедушки, бабушки, ночевали консультанты, и комнаты для хозяйственных нужд.

Так вот, посадили меня в грот. На улице в тот момент стояло лето, июнь – в Брянске в июне бывает до +35 градусов. Помещение не проветривалось, так как все двери и окна были закупорены во избежание побега, так что в столовой за обедом температура ощущалась на все +50 градусов. Поэтому после тарелки горячего супа я вылезал из-за стола мокрый насквозь – будто принял душ прямо в одежде.

Первый месяц я почти не ел, не брал добавку и даже дополнительную пайку хлеба не получал, так как кухня была ужасна, да и аппетита совсем не было.

Глава 2

Первые дни

*Сатана не вспомнит, как дотлел бычок,
У скрипки Страдивари сломан был смычок,
В панике трясется конченный торчок,
Что за дурачина прикручивал крючок?*

Первые дни я находился на «поддержке» с Сашей Ж. Ему было 54 года, он был лет на десять старше меня. Невысокого роста, с карими колючими глазками, коротко стриженный и с бородой, как у моджахеда. На тот момент он находился в Центре около полугода и сам не знал, на сколько ему еще придется задержаться в этой богадельне.

Сарказму и иронии его не было предела. Практически на все мои недовольства он отвечал фразой: «А не надо было бухать!» Тогда я не придавал значения этим словам, но потом понял весь их волшебный смысл. Практически на все претензии резидентов можно было отвечать этой универсальной фразой.

Перекур отменили – «Не надо было бухать, и курил бы дома в свое удовольствие».

Воду отключили – «Не надо было бухать, и мылся бы дома, сколько хочешь».

Полотенца воняют после стирки – «Не надо было бухать, и полотенца были бы чистенькие и пахли бы свежестью».

Звонка домой лишили – «Не надо было бухать».

Уборка два раза в день – то же самое.

В общем, сидели мы с Сашей Ж. дней девять в комнате, выходя только на перекуры и приемы пищи, поэтому другого варианта, кроме как стать с ним друзьями, у меня не было. В эти дни мы говорили обо всем. Я рассказывал про старую реабилитацию, жаловался на еду, да и вообще вспоминал разные моменты своей жизни. Он тоже рассказывал о себе. Про небольшой строительный бизнес, про инсульт, про яркие путешествия, про свою гражданскую жену и гражданскую дочь, которые и *заказали* его в реабилитацию. Жену он так и называл – «заказ».

Нужно сказать, что я ему стал доверять, как никому другому, и, как оказалось, не зря.

По вечерам, где-то после семи, к нам в комнату заходил какой-то странный, но очень колоритный тип. Его звали Серега С.

Серега С. был панком. Настоящим панком. Он любил выпить, уколиться героином, концерты панковской музыки, работать руками, и еще он любил свою жену с библейским именем Ева. По всему телу, кроме лица, у него были татуировки, только не тюремные, а разноцветные и прикольные. А в ушах у него были дырки, в которые были засунуты коль-

ца-тоннели.

Любимым словом Сереги было слово «блевань». Причем этим словом он мог выразить как неудовольствие, так и восхищение. Зависело от интонации и ситуации. Например, когда играла дурацкая музыка, он мог сморщить лицо и коротко отрезать: «блевань». Или, когда попадалось что-то вкусное, мог произнести одобрительно-загадочно: «Ох, какая блевань».

Серега постоянно приносил журнал, в котором каждый должен был расписаться и подтвердить, что он здесь добровольно. Парень он был веселый и очень заразительно и громко ржал. В Центре он находился около полугода и нес *функцию* (служение) *НСО* – начальника службы охраны.

День на пятый он пришел с двумя отпечатанными листами А4 и сказал, что нам нужно заполнить форму для приема в *семью*. Я сразу понял, чем мне это грозит – придется ходить на все собрания, мероприятия, лекции, и откосить не будет никакой возможности. Конечно, это была всего лишь формальность, но без нее они не могли меня заставить. Но и я в свою очередь не мог пренебречь ею. Еще два дня я сопротивлялся под разными предлогами, но все равно пришлось заполнить с ним эту незамысловатую форму.

И уже на среду был назначен прием в семью.

Глава 3

Прием в семью

*Я без подписи журнал подписывать не стану,
На уборке подмету и даже не устану.
Отработать по доске было бы неплохо,
Да кончайте наконец с этой суматохой!*

Прием в семью был волнительной процедурой. А так как я находился еще в нестабильном состоянии – спустя неделю трезвости до конца я все-таки не протрезвел, – голос у меня дрожал и я очень волновался.

Нужно сказать, что все это сборище алкашей и наркоманов называло себя семьей.

Конечно, это было формальное название. Но, как известно из мультика про Капитана Врунгеля, – «как вы яхту назовете, так она и поплывет». Зачитывать всякие бумажки и представлять меня на приеме в семью должен был все тот же Серега С., его сделали моим *наставником* (это человек, который вводит в курс дела, объясняет и контролирует действия протеже по первости).

Вести эту церемонию должен был какой-то Антон. Антон был почему-то без добавленной буквы. Потом я узнал, что он один такой – Антон, и добавленная буква ему не нужна. Он сразу же мне не понравился. Я подумал, что он из *стрем-*

ляг. Это такие ребята, которые из обычных реабилитантов выбиваются в «элитные» слои путем угодничества. Но, как оказалось впоследствии, Антон был нормальным мужиком, да еще и поваром, а я к поварам всегда питал нежные чувства. Ему было сорок два, роста он был выше среднего, здоровый и модный парень с добрым лицом (как все повара), вздернутым носом и прикольными носками (носки были его страстью). Мероприятие, которого я ждал, называлось *ГСП (группа самопомощи)*, оно было организовано по принципу групп Анонимных Наркоманов или Анонимных Алкоголиков.

Антон открыл собрание и сказал, что оно пройдет «в формате приема в семью».

Сергея встал, положил руку мне на плечо, чему я очень удивился, и начал зачитывать мои бумажки. Кстати, они назывались страшным словом – анамнез.

Когда он положил мне руку на плечо, я почувствовал какую-то поддержку, но ненадолго. Конечно, это была очередная формальность. Все начали представляться по очереди. Говорили, как зовут, когда и чего попробовали, как долго употребляли, сколько уже находятся здесь и т. д. И в конце все «искренне» предлагали обращаться к ним за помощью, по любым вопросам. И это была очередная и самая циничная формальность. Последним, по традиции, должен был представляться Сергей.

Он сказал: «До двенадцати лет я жил на острове с обезья-

нами, но потом люди забрали меня к себе, и я научился бухать, курить и колоться наркотиками, и теперь я здесь». В зале раздался смех. Затем он спросил у всех: «Ну что, ребята, принимаем Андрея в семью?»

Вся столовая с черными потолками взорвалась аплодисментами, овациями и радостными криками: «Да! Да!». Мне это напомнило партийные съезды, которые в 80-е постоянно показывали по телевизору.

Затем началась обычная рутина. Зачитывали *преамбулы* «Кто такой зависимый?», «12 шагов» и т. д. Все начали высказываться по бумажке с какими-то специальными вопросами. Мне тоже пришлось высказаться, так как я был новичком, а новички до месяца должны были высказываться на каждом собрании. В конце все встали, положили друг другу руки на плечи и начали молиться. Я уже видел эту церемонию, и она мне не нравилась – напоминало сектантство. Поэтому я не стал, Серега, кстати, тоже.

Когда я понял, что все закончилось, стало немного полегче, и я пошел в комнату, где меня ждал Саша Ж., который почему-то не пошел на это странное действо.

Глава 4

Новичок

*Ты не бойся, новичок,
Если в доме бардачок,
Не пугайся бардака —
Комбизир пожуи пока!*

После приема в семью меня нарекли новичком. Это было оскорбительно и даже стыдно. Я уже просидел в прошлой реабилитации шесть месяцев и считал себя опытным, и снова мне нужно было быть новичком.

Слово «новичок» ассоциировалось в моем сознании с боевым газом с таким же названием, которым потравили Скрипалей в Англии. Но как-то там их недотравили, и они выжили, сожгли только кота, который был ни в чем не виноват. Ну, дело было громкое, и все об этом слышали.

Интересно, что новичкам до месяца общаться между собой строго воспрещалось. И даже сидеть рядом было нельзя. В столовой за моим столом сидел еще один новичок, его звали Борис.

Это был здоровый, высокий парень с широким, добрым и измученным лицом, лет тридцати. Я сразу же стал ему симпатизировать, ведь ему тоже все здесь не нравилось. У Бори

тоже не было никакой дополнительной буквы к имени, поскольку он был здесь единственный Борис.

Однажды в ожидании обеда мы сидели с ним рядом в самой глубине «грота», когда к нам подошел еще один персонаж.

Его звали Сергей П. Ему было сорок, но выглядел он старше. Был он невысокого роста, с большим носом, худой, туберкулезной наружности человек. Постоянно ходивший в желтой футболке и черных спортивных рейтузах на босу ногу.

Увидев нас, он истерично закричал, как будто увидел гигантскую гадюку: «Новички сидят рядом!!!» И мне сразу же пришлось пересесть на другую сторону стола.

Приехали мы с Борисом с разницей в три дня. Но он долго терпеть не стал. Дождавшись удобного момента, когда остался один в своей комнате, он свернул балконную дверь, которая была приоткрыта и держалась на тросике (как на дверной цепочке). Спрыгнул со второго этажа и попытался скрыться в сосновом лесу, который окружал здание. Но повредил ногу при прыжке, к тому же заплутал и, пробежав по кругу, вышел туда, откуда и пришел. Нужно сказать, у него был шанс. И даже с поврежденной ногой его догоняли больше часа. А я в тот момент, находясь в своей комнате, искренне желал, чтобы он быстрее добрался до дома и забыл это все, как страшный сон.

Глава 5

Если в кране нет воды?

*Смерть с косою смотрела мне прямо в роговицу.
Из больничного окна видел я синицу.
Нарколыга – лучший друг подтаскивал
таблетки,
А теперь по вечерам только сигаретки.*

Спустя примерно две недели моего пребывания в Центре на Брянском водоканале произошла авария, и воды не стало. Все думали, это на день или два, но никто точно не знал на сколько. Я грешным делом стал надеяться, что в такую жаркую погоду и в отсутствие воды на любые человеческие нужды нас распустят. Но это были лишь мои больные фантазии. (Суть реабилитации и заключалась в трудностях, неважно, запланированных или нет, и в поисках путей преодоления их.)

Воды не было даже для того, чтобы приготовить еду и чай, а стирать вообще никто не собирался. В первые дни для смыывания унитазов и уборки воду брали из бассейна, который находился в бане на первом этаже. Мыли посуду водой оттуда же. А однажды воду из бассейна залили в бойлер, и чай на обеде стал с легким послевкусием цветочного мыла. Мылись все той же водой. Она была холодная, но все были рады даже

этому. Но скоро вода из бассейна зацвела, и мыться стало бессмысленно и даже вредно.

В это самое время в нашу комнату (точнее, в нашем номере было две комнаты, в одной жил Саша Ж. и Саша В., а в другой я. Но там все равно называли не номер, а комната) переехал Илья К.

Человек он был, мягко говоря, странный, и никто не испытывал к нему особой симпатии. Выглядел он тоже странно. Большая голова с маленькими злыми глазками, остренький носик, тоненькие губки и большие уши. Прическа у него была тоже странная, волосы росли неравномерно и торчали в разные стороны. Можно сказать, прическа вообще отсутствовала. Роста он был небольшого. А по лицу его и повадкам невозможно было определить, сколько ему лет – то ли шесть, то ли пятьдесят шесть. На самом деле ему было тридцать шесть. Походка его напоминала походку хоббитов из фильма про кольцо. Поэтому в узких кругах его так и стали называть – Бильбо Бэггинс, или просто – Бильбо Б. К тому же была у Бильбо еще одна странная страсть. Любил Бильбо странные старые футболки с надписями «Руки вверх 22» или COCA COLA Drink.

Футболка COCA COLA Drink была розового цвета, а пот у Бильбо был такой ядовитый, что съел весь розовый краситель в области подмышек, и ткань в этих местах стала серо-желтого цвета.

Эту свою любимую футболочку он и решил постирать тем

жарким июньским утром.

Солнце стояло уже высоко, подъема еще не было, и все спокойно занимались своими делами. Ничто не предвещало беды.

А вечером в каждый номер раздали по 19-литровой баклажке воды. На личные нужды – умыться, побриться, почистить зубы – и для питья. Но Бильбо решил постирать свою любимую КОКА КОЛУ и еще что-то именно этой водой. И это была его первая фатальная ошибка.

Взяв баклажку, он стал нагло лить воду в красный квадратный таз прямо у выхода из номера. Ребята в его комнате уже проснулись и возмутились этому странному поступку, ведь вода была на вес золота. Но Бильбо и не думал останавливаться, он лил и лил драгоценную чистую воду, чтобы постирать свою любимую футболочку – СОСА СОЛА Drink.

Наконец, Саша Ж. все-таки не выдержал и возмущенно выкрикнул с кровати: «Ты что, охерел, свои носки питьевой водой стирать?»

В этот момент Бильбо вспомнил правила дома, где было сказано, что насилие между резидентами запрещено. Он решил, что эта статья защитит его. И это была его вторая фатальная ошибка. (Нужно добавить, что у Бильбо был скверный характер. А может, вообще биполярное расстройство. Он мог мгновенно превратиться из милого котенка в злую гиену.)

В ответ он тоже начал проявлять агрессию и не подумал,

что хоббиты не так сильны, как они сами о себе думают.

Саша Ж. в бешенстве вскочил с кровати и подлетел к Бильбо, который уже поднял красный таз и поволок в свою комнату. Саша Ж. не выдержал такой наглости. Бильбо что-то еще пробормотал, что – уже не важно, и сразу ощутил удар в лицо. Тазик выскользнул из его рук, и вода растеклась по старому ламинату.

«Я не буду с тобой драться, я не буду с тобой драться», – робким голосом пропищал Бильбо Б. и сразу же куда-то испарился.

Саша Ж. был взбешен не на шутку. Но это был еще не конец. Неведомым образом Бильбо снова очутился в нашем номере. Наверное, он все-таки хотел довести свое черное дело до конца. И это была его последняя фатальная ошибка.

Саша Ж. еще больше разъярился, когда увидел его на пороге, и разговаривать уже не стал.

Бильбо опять мычал: «Я не буду с тобой драться». А Саша Ж. пробил еще два удара в подбородок, и они оба упали, поскользнувшись на мокром полу. В этот момент я уже решил вмешаться, а то все могло закончиться плачевно.

Кровь хлынула из раны на подбородке Бильбо Б., и на полу появились «следы преступления». Он опять будто испарился – побежал жаловаться консультантам. К ним вызвали Сашу Ж., но тот отделался легким испугом без всяких последствий.

А Бильбо Бэггинс заклеил свой подбородок и больше не

жил в нашем номере.

На его место перевели Диму М., которого все звали «Навля». Так как он был родом из небольшого городка с таким названием в Брянской области.

А вскоре включили воду, и все были в восторге от этого события. А об этой истории в 21-й комнате никто и не вспоминал, кроме меня.

Глава 6

Утреннее собрание

*Смело я войду в метро,
Распахну свое пальто,
Из кармана я достану
Не конфеты! и не сыр!
Я табличку чувств достану,
Чтоб кассир заморосил.*

Примерно на десятый день пребывания в Центре мне пришлось посетить еще одно очень увлекательное действо. Оно называлось – *Утреннее собрание*.

Название было вполне позитивное, но то, что там происходило, у многих вызывало лютый ужас.

Утреннее собрание всегда проходило в групповой, это был огромный светлый холл на втором этаже с большими окнами и дверью, ведущей на большой балкон, на который всех выводили курить. При входе слева на полке стояло штук двадцать обшарпанных книг, библиотеку от холла отделяла широкая стойка, а на подоконниках ютилось множество горшков с неказистыми зелеными цветами. Вообще в доме было всего два помещения, способных выдержать большое скопление людей: групповая и столовая, и групповая была полной противоположностью столовой по всем показателям ин-

терьера.

Спустя десять дней трезвости я, по сути, до конца не протрезвел и все еще страдал от абстинентного синдрома.

Саша Ж. объяснил, что на собрании существуют особые ритуалы. Например: в самом начале каждому по очереди нужно встать, убрав руки за спину, и рассказать всем, в чем его побеждает болезнь.

Это было самое главное. Я, конечно, как и все новички, начал препираться.

«Да ни в чем она меня не побеждает», – сказал я.

«Побеждает, побеждает! Даже не сомневайся. Просто сделай, что тебя просят, и все», – ответил мне он.

Победа болезни могла проявляться в чем угодно: в тоске по дому, в жалости к себе, раздражительности, лени, обесценивании. И еще миллионы вариантов. Зависело все от фантазии.

Утреннее собрание должны были вести два НСО: Серега С. и Дима А.

Пока я сидел в комнате, Дима А., конечно, заходил по делу. А один раз он куда-то отправил Сашу Ж. Минут пять мы с ним поговорили, и он заснул прямо на кровати Саши Ж.

Дима А. был хорошим парнем. Ему было тридцать пять. Предпочтение он отдавал опиатам.

Высокий, спортивный, приятной наружности. Голову он постоянно брил до блеска, так как был уже почти лысый –

гены, ничего не поделаешь. Глаза у Димы всегда горели, и улыбка была настоящей, да и злился он тоже по-настоящему. В общем, бывший военный с ярко выраженными лидерскими качествами. Когда я пришел на собрание, меня слегка начало потрясывать, но это было только начало.

Вначале все представились по кругу – встав, убрали руки за спину и сказали: «Доброе утро, семья, меня зовут...» Потом все встали, как на молитву, положили руки друг другу на плечи и стали читать какую-то «Философию». Опять это напомнило мне сектантов. Я вставать не стал – Саша Ж. и Серега С. тоже. А потом пошло какое-то безумие. Все неожиданно стали по очереди вскакивать в хаотичном порядке и сообщать, в чем их побеждает болезнь. Единственным, кого она не победила, оказался я. Я просто не стал вставать.

Что происходило дальше, я вспоминаю с трудом. Но безумие только усиливалось. Ведущие начали по очереди вызывать людей из круга, и те должны были встать, подойти к кому-то из членов группы, убрать руки за спину и, глядя в глаза, произнести какую-то чушь. Вроде такого: ты не выжал тряпку, не подмел после перекура, не выключил свет...

«Вот они уроды, – подумал я, – стучат друг на друга, да еще и в открытую!»

В прошлом Центре такого не было. К этому времени тремор достиг пикового уровня, и я думал «как бы не тряхануло». Настолько дико выглядела это церемония. Она вызывала гамму негативных эмоций. Даже страх. Эту процедура на-

зывалась «*вынести негатив*».

В этот момент я решил для себя, что такой херней заниматься никогда не буду. Но я просчитался. В целом, все так поначалу говорили.

Потом Серега С. прочитал весь список тех самых негативов про тряпки, непоменянные полотенца, непротертые полы. И тридцать процентов слов, которые он произносил, я не понял: *прогибания, безы, гоны, впередидущие функцийные*. Впечатление было такое, как будто в голову поместили осиное гнездо.

Часов в двенадцать все это закончилось, и я даже решил не курить. За этот час я исчерпал весь ресурс своих сил, которых и так было немного. Очень хотелось закинуть Ксанакса таблеточки три, но его не было, а глицин мне никогда не помогал.

После этого я еще дней пять не появлялся на Утреннем собрании. Оно потрясло меня до самой глубины души, и я старался всеми возможными путями откосить. Но надолго меня не хватило, и вскоре пришлось делать все то же самое, что и все.

Глава 7

Иерархия

*Был я раньше алкаш и наркоша,
А сейчас я надену галоши.
Не простой ожидает денек —
Анонимный я щас кренделек.*

В самом низу пищевой цепочки находились новички. Их наделяли простыми функциями, вроде библиотекаря, хранителя времени или цветовода. Они никого и ничего не знали, не разбирались в многочисленных правилах, и их не трогал разве что ленивый.

Повыше были середнячки. Это были уже опытные реабилитанты, но им не хватало власти и связей.

Еще выше были впередиидущие функцийные. Это были холеные, опытные, прожженные реабилитанты, облеченные властью. Они выполняли ответственные месячные функции и знали разные тайны и интриги подковерной возни. И даже иногда могли пить кофе по ночам с общаковыми конфетами.

Над ними были волонтеры. Это были уже свободные люди, прошедшие полный курс программы «12 шагов», которые во всем разбирались. Конечно, они все равно побаивались консультантов, но могли жарить яичницу по вечерам. Иногда даже с луком.

Еще выше находились консультанты. Эти люди прошли все круги ада. Они получали зарплату, ездили на машинах и могли придумывать наказание всем реабилитантам без исключения. А еще консультанты могли есть яичницу, которую готовили волонтеры.

Еще выше были Антон Александрович – программный директор – и Константин Юрьевич – психолог. Они тоже прошли все круги ада, и не по одному разу. Антон Александрович был непонятный человек. Какой-то он был разный, то приятный, то нет. Зато чувство юмора у него было исключительное. Константин Юрьевич был нормальным, добрым и на редкость спокойным человеком. Но договориться с ними о чем-либо было нереально, Антон Александрович постоянно переводил стрелки на Константина Юрьевича, а Константин Юрьевич – на Антона Александровича. Было им обоим около сорока. Оба – наркоманы еще старой советской закваски, поэтому хитрости им было не занимать.

И, наконец, на самом верху пищевой цепочки стоял Александр Дмитриевич С. Человек он был не очень приятный, но, судя по всему, ушлый и очень неглупый. Если в свои двадцать шесть лет уже руководил таким непростым бизнесом, который приносил неплохой доход. Хотя, может, и не он руководил, хрен их там поймешь, наркоманов.

Кто был еще выше, никто не знал. Да по большому счету никто и не интересовался, все думали, как побыстрее сдать задания или договориться с Антон Александровичем, Кон-

стантином Юричем или Александром Дмитричем С., чтобы побыстрее вернуться домой. Но об этом чуть позже.

Глава 8

Первая ответственность

*На поддержке дремлет злобный новичок,
На сукне зеленом крутится волчок,
Не дождутся волки крови новичка —
Главное не гадить у красного толчка!*

Как-то на *Утреннем собрании*, в самом его конце, выдали мне ответственность: составить лозунг на следующее собрание. Так было заведено, что в конце УС Обсерватор раздавал некоторым своеобразные поручения.

Лозунг – это любой стишок, в четыре или более строчек. В принципе, про что угодно, но лучше, если про выздоровление.

Голова у меня еще плохо варила, и я не знал, с чего начать и чем закончить. Сразу же вспомнилась сказка Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Я вспомнил несколько строк и попытался их переделать, но ничего не получалось.

Пришлось обратиться к Саше Ж. Он быстро от меня отделался, сказав, что ничего такого никогда не делал и начинать не собирается, только посоветовал обратиться к кому-нибудь еще, зная, что с некоторыми я уже успел пообщаться.

Вспомнив про прием в семью, про то, как все искренне предлагали мне свою помощь в любых вопросах, я проанализировал, к кому реально подойти с этим вопросом.

Вспомнив, как на балконе ко мне частенько подходила какая-то высокая девушка и постоянно задавала один и тот же вопрос: «Ну как у тебя дела?»

Я поинтересовался у Саши Ж.: «Может, она поможет?» Он одобрил в свойственной ему саркастичной манере: «Она точно поможет!» Эту девушку звали Даша Д. А еще на моем приеме в семью она завернула такую трогательную речь, что я чуть не прослезился. На следующем перекуре я решил подойти к Даше. Даша была высокая, статная, у нее были длинные темные волосы и зеленовато-синее лицо, так как она просидела в реабилитации почти два года в общей сложности. Было ей тридцать лет. У нее был волевой подбородок, постные черты лица и тонкие, криво выщипанные брови. Еще дурацкая, неровно подстриженная косящая на левую сторону челка. Позже я узнал, что Даша Д. цинична, как патологоанатом, и «выносит на доску» даже самых близких, хотя таковых она не имела.

Характер у Дарьи был нордический, связей, порочащих ее, она не имела. И чем-то отдаленно напоминала Адольфа Гитлера, поэтому в узких кругах ее так и стали называть – Адольфовна.

С надеждой я подошел и попросил о помощи. Даша мгновенно отмазалась, сказав, что она сегодня на кухне, и посо-

ветовала подойти на следующем перекуре, а еще лучше – обратиться к Стасу С.

Отойдя от Даши, я сразу нашел в толпе курящих Стаса С.

Стас был очень интересным персонажем. Как и Даша Д., он слыл профессиональным реабилитантом-рецидивистом. Парнем он был манерным. Ему было лет сорок, и употреблял он все подряд, но предпочтение отдавал галлюциногенам. Идеальной фигурой, походкой и манерами он напомнил мне артиста балета из Большого театра, с которым я познакомился в наркологии.

Поэтому вместо буквы С. к нему прилепилось целое слово, и стали его называть Стас-балерина. Но достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы понять, как его потаскала нелегкая. Нос был свернут набок и вмят в переносицу, по всей видимости, 40-миллиметровой сантехнической трубой. С зубами были классические проблемы всех наркоманов. А когда он улыбался, становился похож на Битцевского маньяка.

Подойдя к нему, я попросил его помочь мне с написанием лозунга. Стас сразу же высокомерно ответил: «Что я, за тебя этот лозунг должен написать?» Сообразив, что мне здесь ловить нечего, я решил поймать Адольфовну на следующем перекуре. Но Адольфовна опять отмазалась кухней, и в этот момент я понял, что помощь и забота в этом заведении не в почете. В итоге я сам сочинил свой первый лозунг. Он оказался не очень складным, но это было только начало. Про-

шло еще несколько месяцев, и я стал самым большим специалистом по этим лозунгам. Теперь я сочинял их для всех. Не бескорыстно, конечно. Закон джунглей – ничего не поделать. И так я и не понял, почему мне все-таки не помогли.

Глава 9

Доска

*Написал я Третий шаг, это было быстро,
У подводника Кусто корабль был «Калипсо».
Ненавижу я теперь алкоголь с закуской,
Как приеду, наверну я пиеночку с капустой!*

Что такое «доска», я сперва не понимал, хотя ассоциации были вполне понятные. По «доске» должны были *работать* все, абсолютно все. Обычному человеку объяснить это трудно.

Саша Ж. объяснил, что это обязательно. И от этого у меня начали потеть ладони и неровно забилося сердце. Я уже видел, как все на *Утреннем собрании* обвиняют друг друга в какой-то чуши: тряпки, туалеты, ложки, дежурства, безы, дефекты и многое другое. Это называлось *негатив*. А еще – «забота», или просто «отработать по доске». Стало быть, если за кем-то что-то заметил, например, что он не выключил свет, про это обязательно нужно было сообщить куда следует, в противном случае про тебя могли сообщить куда следует, что ты не сообщил куда следует. Это было самое страшное. Никакие проблемы не приравнивались к «доске».

На «доску» можно было «выносить» за что угодно.

За *хитрость, лень, раздражительность, манипулятор-*

ство, инфантильность и т. д. Ну это были легкие статьи, сродни мелкому хулиганству.

Чуть жестче были безответственность в отношении дежурства, или просто «без по дежурству». Это могло быть много чего: не протер туалет после обеда, просчитался с ложками, когда накрывал на столы, забыл положить сахар в чай и еще тысяча косяков.

Дальше – «без по функции» (безответственность по функции). Функций было много, и разных, наказания тоже были разные. *Чайханички* могли не выкинуть мусор, забыть залить бойлер. *Хранитель времени* вовремя не прокричать о предстоящем мероприятии. Светлячок не включить свет. *Шеф кухни* мог просчитаться с продуктами. И так далее.

Но все это были цветочки по сравнению с *прогибанием границ впередиидущих* (или *нарушением рекомендации впередиидущих функцийных*). За это можно было схлопотать замечание, а три замечания – это лишение звонков, бани, *проработка* (например, три дня мытья посуды, написание тысячи *воеволий и прочее*).

И самое страшное: *нарушение коррекции консультанта* или *нарушение границ, поставленных тебе консультантом* (бывало, некоторым реабилитантам запрещалось общение с кем-то определенным или с группой людей по разным причинам). За это всех могли заставить сидеть и писать «своеволия» (фраза из 16 слов: «Своеволие – это презрение или сопротивление к любым действиям и идеям, которые не со-

гласуются с нашими собственными). Этот бред нужно было переписать 20 000 раз, или 10 000, в зависимости от ситуации, что могло занимать пару дней).

Первый «негатив» Саша Ж. предложил мне написать на него – за гиперконтроль.

«Как же я на тебя напишу? – удивился я. – Ты же мой друг!» Меня восхитило такое самопожертвование, я полагал, что у него будут последствия.

«Ничего страшного, – ответил он. – Мне за это ничего не будет». Пришлось написать.

На утреннем собрании, когда зачитывали «негативы», я ждал с тревогой, когда прочтут мой. Могли заставить «выносить» это при всех – ну, выходить, смотреть в глаза и уличать при всех в безответственности, – и это меня до жути пугало.

Сергея С., который вел собрание, сосредоточил внимание на моем «негативе» на Сашу Ж. за гиперконтроль, сказав загадочно: «Интересно». У меня замерло сердце. Я понял, что он догадался, что это «договорняк». Но все обошлось.

Второй «негатив» за меня Саша Ж. сделал сам – на Полину. Полинка была молодая, но довольно дерзкая и опытная девочка. Тут она была уже месяцев восемь, и поначалу общаться с ней мне было боязно. Ей было двадцать лет. Очень даже «вкусненькая», хотя и был лишний весок. Волосы у нее были темные, глаза карие, нос с горбинкой. В общем, греческий профиль. Частенько она рассказывала, как стерла пятки до дыр, рассекая на велосипеде в поисках наркотиков. В

общем, она была обаятельная, позитивная, но иногда агрессивная.

На Полинку пришлось написать «негатив» за раздражительность. Проще говоря – я к ней подошел, а она мне дерзко ответила. И опять я занервничал. Я не знал, знает ли она сама о том, что я ей приготовил, и как я про это буду говорить на *Утреннем собрании* при всех. Перед собранием я и вообще забыл, за что я ее «вынес», и нужно было поймать ее в кулуарах, чтобы вспомнить. Случайно я наткнулся на нее в коридоре, и она напомнила, но нервяк только усиливался. На самом деле Саша Ж. с ней заранее договорился, это называлось «договорняк», или помощь новичку. Кстати, договорняки были под запретом, а помощь новичкам была в почете, поэтому два этих фактора уравнивали друг друга, и «негатив» становился вполне нормальный.

И опять на УС я ждал, когда прочитают подготовленный мною «негатив». Но до этого дело так и не дошло.

Почему-то Серега его просто пропустил.

После собрания я сказал Саше Ж., что такой херней заниматься не буду. В ответ он посоветовал зайти в консультантскую и заявить, что это противоречит моим духовным принципам. Но я, почувствовав подвох, делать этого не стал. Некоторое время я помыкался с помощью договорняков, но потом осмелел и сам начал писать эти самые «негативы», и даже не заметил, как вошел во вкус. Ведь «негативы» можно было писать, и совершенно безнаказанно, на людей, которые

мне не нравились, а таких было порядком. Главное, чтобы «негативы» были не формальные. Но об этом позже.

Глава 10

Летнее ГСП

*Выпью утром коктейль я питательный
И на группы пойду обязательно.
Конструктивно там все расскажу,
А потом телефон заложу.*

Когда я приехал в Центр, в Брянске была очень жаркая и сухая погода. И ГСП традиционно проводились на улице. На переднем или заднем дворе, с видом на старый автохлам или шестиметровый забор и сосны.

Ровно без пятнадцати семь все гурьбой вываливали со стульями на улицу и первым делом закуривали. За пятнадцать минут можно было накуриться вдоволь. Каждый ставил свой стул ровно на то место, где сидел вчера и позавчера, с точностью до миллиметра, и только новички бродили в поисках своего места, потерянного под солнцем.

Выкурив одну, две, а кто и три сигареты, все прекращали писать свои *Дневники чувств*, и начиналось собрание. Стартовало оно обычно с прочтения преамбул: «Кто такой зависимый», «Как это работает?» и чтения ежедневников АН и АА. Но кайф был не в этом, а в том, что ГСП проходило на улице. А поскольку на улице обычно разрешалось выходить только избранным, все были этому очень рады. По всему пе-

риметру стояли впередиидущие в кроссовках (все остальные были в тапках). Оцепление было необходимо, чтобы пресечь побег. Но никто бежать и не собирался.

После ежедневников зачитывались вопросы, составленные кем-то из собравшихся, новички начинали высказываться, а я медленно «отлетал» в свои мысли, что там называлось «быть на тяге», наслаждаясь музыкой, которая доносилась с соседней базы отдыха, глядя на осиное гнездо, которое висело на сосне, прямо над головой Бильбо Б., и думал: «А не плохо бы сейчас, на закате, посидеть под окнами своей подмосковной сталинской пятиэтажки и неторопливо попить пивка с соседом Макаром».

В конце, по традиции, зачитывалась преамбула «Только сегодня!». Все выкуривали по столько же, сколько и в начале, и радостной гурьбой устремлялись наверх со своими стульями. И все были усталыми, расслабленными и довольными, так как до отбоя оставались считанные часы.

Глава 11

Горчица

*На кой нам чипсы, на кой минестроне?
На пиенной каше меню мы построим!*

Как я уже говорил, первые мои дни были очень долгими, и я лишь сидел в комнате с Сашей Ж., с которым мы о чем только ни говорили. В том числе и о том, что в «старой» реабилитации я готовил плов по средам, делал горчицу и боролся с салатом под названием «Выздоровление». Он был не таким мерзким, как из тертой колбасы, но его я тоже хотел поменять.

Рецепт

3 банки фасоли в собственном соку

3 банки кукурузы

сухарики

майонез

На всех, на сорок человек, по ложке. Сухо, дешево, глупо и мало.

Но это была другая реабилитация, и сейчас передо мной стояла новая, интересная и очень сложная задача: стереть с лица земли даже упоминание об этой мерзости – салате из

тертой колбасы.

Саша Ж. сразу не поверил в мою затею и сказал, что ничего из этого не выйдет. Но он не был осведомлен о моих скрытых талантах и о том, что я не привык пасовать перед каким-то отвратным салатом.

Начинать, как я думал, нужно с малого. В той реабилитации я раза два в неделю делал горчицу. Это занимало 5—10 минут, и на килограмм готовой горчицы требовалось около 60 рублей. Это было и эстетично, и дешево, и надежно, и практично.

В то время как раз в кране не было воды, и в нашей комнате жил Бильбо Б. А так как он очень любил остренькое и засыпал к себе в тарелку по полпачки перца, которого и перцем назвать нельзя, я решил с ним посоветоваться. Бильбо посоветовал подойти с предложением к небезызвестному Стасу-балерине (в то время он был *ШК* – *шефом кухни*). Балерину совсем не заинтересовало мое предложение.

«Я лучше закажу готовую!» – высокомерно ответил мне он.

Это меня только подстегнуло, и я уверовал, что все равно сделаю то, что мне нужно. Вскоре сменился *ШК*, им стал весельчак и балагур Артем.

Артем был очень веселым человеком с превосходным чувством юмора и даже, как мне казалось, с ярко выраженными актерскими способностями. Ему было тридцать лет, он любил энергичные наркотики. Рост средний, телосложение

обычное, но он сразу же располагал к себе и вызывал огромную симпатию.

Тема тоже не верил, что в этом забытом богом месте можно что-то изменить. Но он дал дельный совет. С этим вопросом он предложил мне обратиться к Константину Юричу, который был психологом и по совместительству привозил продукты и занимался вопросами питания.

Дождавшись удобного момента, когда у нас с Костей сложился доверительный разговор, я и «закинул» ему мысль про горчицу.

Поняв, что делать время от времени горчицу будет обходиться в сущие копейки, он пообещал приобрести пару пачек горчичного порошка на пробу. И это была его роковая ошибка.

Глава 12

Как изменить меню?

*Брянский лес в снегу стоит прямо у вершины,
Камень где-то там лежит с надписью
старинной.*

*Две дороги для меня кто-то там оставил,
Ну а Костя в тот момент полный бак заправил.*

После того как Константин Юрич проглотил «крючок» в виде горчицы, я понял, что иду в правильном направлении, и останавливаться на достигнутом было никак нельзя.

Но так как он из месяца в месяц делал одно и то же – ездил на закупку в одни и те же места, покупал одни и те же продукты – и менять ничего не собирался, предстояла огромная, отнимающая массу сил и нервов каждодневная работа. Конечно, на руку мне была еще одна немаловажная деталь: горчица произвела фурор и про нее начали слагать легенды. И, как я узнал впоследствии, даже жена Константина Юрича знала меня, заочно, благодаря моей горчице.

В это время я уже нес функцию «Массовик-затейник». Никто и никогда не хотел быть массовиком – неблагоприятное занятие. Нужно было рисовать открытки на чьи-то юбилеи трезвости каждый день, поздравлять с днями рождения и готовить творческие вечера, а все недочеты карались жестоко.

Но в обязанностях массовиков был один интересный пункт, на который никто не обращал никакого внимания: «Собирать деньги на личные нужды» (на канцтовары, продукты, на разное). За это я и решил зацепиться. Это была первая ступень. Конечно, в кулуарах я уже успел обсудить с некоторыми здравыми товарищами свою идею и заручиться их поддержкой. Планировалось собрать деньги на курицу и сделать ее в стиле сациви в субботу. На утреннем собрании я объявил о полном и безоговорочном сборе денег на еду, хотя бы по сто рублей с носа. Предварительно, конечно, была проведена огромная работа с Константином Юричем, Антоном Александровичем и консультантами. Все они были не против, но никто не верил в эту затею. В силу бюрократизма и лживости руководства Центра собрать деньги на курицу так и не удалось. Но зато в этот момент была одобрена другая моя идея: включить в меню красную фасоль. Сказать, что это было просто, значило бы соврать. Казалось бы, что стоит докупить две пачки фасоли по сто рублей? Ан нет. С момента первого разговора и до момента одобрения Костей салата прошло больше двух месяцев. По опыту я знал точно, чтобы поменять меню, да и вообще что-то поменять, даже не нужно уметь готовить. Для этого нужно было уметь «играть в покер», знать слабости человека. Пришлось включить все свои скрытые таланты: хитрость, умение манипулировать и даже интриганство в какой-то степени. В такие моменты я думал: «Какая же трудная работа была у кардинала Ришелье».

Фасолевый салат планировался вместо субботней блевани из тертой колбасы, но окончательной концепции салата еще не было, нужных продуктов в запасе не имелось вовсе – съедалось все, а иногда даже приходилось пить чай без сахара, есть суп без лука и моркови – экономия была жесткой. Наконец, Костя привез на пробу одну маленькую пачку фасоли, и я что-то там изобразил. Всем, кто попробовал, понравилось, по принципу «на безрыбье и рак рыба». И опять тишина – лето, отпуска. Прошло еще месяца полтора. Тут уже нужен был напор.

В воскресенье, прямо перед Костиным возвращением из отпуска, я придумал новый салат из фасоли: фасоль, лук, соленые огурцы, вареная свекла и майонез. И в понедельник решил полностью дожать Костю.

Тут уж все было спланировано четко. Но так и не получилось вставить фасолевый салат вместо субботней блевани, блевань еще твердо стояла на ногах, и у блевани даже были свои поклонники. Но так как в воскресенье подавался и во все беспонтовый салат из тертой свеклы, чеснока и майонеза, у которого не было ни одного поклонника, решено было заменить его.

Салат был прост в изготовлении и получился очень вкусный. Все были в восторге. Главным образом от того, что появилось что-то новое, и этого нового становилось все больше, к свекле добавились еще дополнительные продукты. И это была вторая ступень.

Теперь я полностью был уверен, что движусь в правильном направлении.

«Куй железо, не отходя от кассы, – твердил я про себя. – Куй железо».

Блюд для замены я придумал много. Но нельзя было просто подойти и предложить что-то поменять, нужно было обосновать свои идеи, и делать это следовало крайне убедительно. Я отдавал себе отчет, что эти хитрые люди ничего просто так не делают.

В этот момент я уже разогнался и решил на следующей неделе «продать» рассольник вместо борща, который был в понедельник.

В неделю было два борща, и все называли их «свекольная вода». Себестоимость порции по простым подсчетам была девять рублей. Ничего удивительного, если на 50-литровую кастрюлю шла одна худая курица.

Тут уже я понял, что двигаться дальше одному мне будет сложно, и пришлось привлечь соратников. Таковым оказался Игорь К., или просто – Игорян.

Игорян был парень здоровый, неглупый и веселый. Он постоянно качался. Ему было чуть за тридцать. Благодаря повадкам и разговору бросалось в глаза его криминальное прошлое. Человеком он был напористым и всегда добивался своего. Но самое главное, что больше всего он любил как можно больше пожрать, как он говорил: «На массу!». Такой соратник мне и был нужен.

Позвав Константина Юрьевича, мы усадили его на лавку в групповой и, окружив с двух сторон, начали четко и конструктивно объяснять все минусы старого и плюсы нового меню. Пришлось привести неопровержимые факты экономики продуктов и денежных средств, на которые они, собственно, и покупались. У него не было шансов. Но в тот раз получилось «продавить» только рассольник. Он докупил еще перловки и огурцов, и в меню уже стояло второе мое блюдо.

«Что же делать с этой колбасой? Когда она покорится?» — думал я.

На самом деле мы уже предложили Константину Юрьевичу вместо субботней блевани рыбный салат из консервов. С экономической стороны все было обосновано, и салат обошелся бы в ту же сумму, что и колбасный. А еще можно было сэкономить на тушенке за сорок пять рублей и на кетчупе, от которого у всех была изжога и который стоил тридцать рублей за 750-граммовую пачку.

С рыбным салатом сразу же не сложилось. Не вызывал он никакого интереса. Зато в четверг, вместо капустного, который тоже был два раза в неделю и который редко кто делал хорошо (капусту никто резать не умел, и получались лопухи), получилось ввести картофельный салат по рецепту моей бабушки под названием «Зимний». Он состоял из картошки, квашеной капусты, лука, зеленого горошка и нерафинированного подсолнечного масла. Для этого салата отдельно

начали солить капусту, которая еще шла потом в винегрет на среду и тем самым сэкономила соленые огурцы для рассольника и оливье. Квашеная капуста «выравнивала» и спасала всю неделю, так как соленые огурцы покупались весьма ограниченными партиями и их вечно не хватало, а в некоторых блюдах их можно было заменить капустой, к тому же она стоила копейки.

В итоге благодаря моей одержимости и предприимчивости качество питания значительно улучшилось. Пару раз пришлось сделать корейский салат из морковки, свеклы и капусты, раз пять напитков «Шербет» по рецепту Вильяма Похлебкина, много раз экспериментировали с выпечкой, да и еще по мелочи.

«А зачем ты все это делал? Зачем тебе все это было нужно?» – спросите вы меня.

А я так отвечу. Я мог бы спокойно ходить на обеды и есть баланду. Изо дня в день. И никто бы от этого не умер. Но там. В месте, где много напряжения, и удовольствий почти нет. Я нашел себе дело. Я объединил свою страсть к кулинарии и талант коммуникации. Я готовил, манипулировал, договаривался, убеждал – и на выходе видел результат, который меня радовал, поднимал самооценку и самоуважение. Так я отвлекался от рутины и негатива, которого в Центре было предостаточно, это была отдушина. Такая же отдушина, как кино, а потом и моя книга.

А Константин Юрич начал меня избегать и лишний раз

обходить стороной. Как говорится: «От греха подальше». Ну а консультанты наоборот обращались, если их что то не устраивало в питании, с предложением замены определенной позиции в меню, хотя я был вообще никто.

Глава 13

Кино

*Пьяный был недавно я прямо в День Победы.
Недоразвитый алкаши давал на закуску хлеба.
А теперь общаюсь я с самою элитой,
На рулетах все сидят, как в фильме «Путь
Карлито».*

Другой моей страстью, помимо кухни, было кино. За неделю здесь можно было посмотреть, в лучшем случае, три фильма. Это занимало меньше пяти процентов от всего времени. Фильмы были разные, но, как правило, дебильные.

В прошлой реабилитации я тоже не мог смотреть ахиною, которая выбиралась общим голосованием, которое занимало порой минут сорок, так как каждый тянул одеяло на себя. Пришлось встать во главе этой тусовки. Благо в предыдущей реабилитации кино смотрели целое воскресенье, и еще один программный фильм в субботу. Должности или функции «дискомен» там не было, все просто собирались в зале и начинали выбирать фильм. Порой выбор фильма занимал время, сопоставимое с продолжительностью самой картины. Все зависимые люди эгоистичны – в этом их суть. Но в этом Центре выбором фильмов занимался «дискомен».

План захвата власти в прошлой реабилитации был про-

стой и пошаговый. Вначале нужно было нехотя взять на себя ответственность составлять списки индивидуальных заявок (показывать энтузиазм и заинтересованность было нельзя – поймут). Труда это не составляло, вследствие того, что никто не хотел утруждать себя ни на йоту какими-либо делами, да и вообще, если бы было можно, все только ели бы да спали. Я сразу понял, что списками можно «вертеть» как хочешь. Обойдя всех и записав их пожелания, я понял, что половина вообще ничего смотреть не хочет. Автоматом их голоса переходили ко мне. Постоянных членов кинозала было человек восемь всего. Угодить им тоже было нетрудно. Подобрать беспроектные фильмы на пару выходных, чтобы все были довольны, и, считай, власть над выходными была в кармане... Ведь членов кинозала было немного, и в кинематографе они были дилетантами. Я, конечно, предоставлял им право выбора – но только по моему списку. Один раз произошел небольшой мятеж с целью смены власти, но он был успешно подавлен сразу же после обеда. В итоге в моих руках была абсолютная власть над кинозалом.

Но здесь все было по-другому, подбором фильмов на выходные занимался «дискомен», который в этом вопросе, как правило, был полным профаном. Никто из «дискоменов» не хотел заниматься этим и брать на себя даже такую ответственность. В конце концов консультантам приходилось скачивать фильмы на свой вкус. А вкус у всех был разный. Потом можно было оправдаться перед недовольными фильмом,

дескать: «Это скачали консультанты», и вопросы сразу же отпадали. А недовольные были всегда.

Поэтому я решил действовать по-старому, то есть брать «кино» в свои руки.

Нужно пояснить, для чего мне это было нужно. Все это я делал из-за собственного эгоизма и азарта, и это приносило массу удовольствия от всевозможных интриг. Сначала я попытался опираться на такое понятие, как списки, но в Центре они и так составлялись, да только сразу же и утилизировались за ненадобностью. Согласитесь, это же утопия, если сорок человек напишут названия фильмов, которые хотят посмотреть, и из них нужно будет выбрать один. В итоге двое-трое будут довольны, а остальные нет.

Поэтому оставалось одно – договариваться с «дискоменами» или консультантами, то есть в очередной раз манипулировать.

И все бы ничего, если бы можно было со всеми договориться без последствий. Так можно было бы поступить много где, но не в реабилитации. На реабилитационном сленге это называется – «прогибание границ». Забавное словосочетание, не так ли? Всегда удивлялся, как границы можно прогнуть? Их же можно только нарушить. Это означало вмешательство в чужую функцию или дело. Поэтому действовать нужно было энергично, но аккуратно и не привлекая внимания.

Кинематографом я решил заняться на втором месяце сво-

его пребывания, в тот момент «дискоменом» стал небезызвестный Бильбо Б. Договориться с Бильбо было нетрудно, хотя он был и психом. Подходить к нему нужно было осторожно, на «мягких лапах», дабы не разбудить его биполярное расстройство. Главное было обнадежить его, заверить, что фильм понравится всем. Один раз я перегнул с навязчивостью, и он разозлился не на шутку и даже «вынес меня на доску», но это был всего лишь опыт, а, как известно, любой опыт – положительный и ведет к успеху.

После Бильбо «дискоменом» стал Дэнчик. Дэнчику было двадцать пять. Здоровья у него было хоть отбавляй. Во все свободные минуты он бежал на первый этаж качаться и как ребенок радовался посылкам из дома с очередной партией протеина. И при всей этой внешней мужественности он был по сути большим ребенком, хоть и имел пару судимостей. Контакта у меня с ним тогда не было, и я решил не действовать напрямую, а влиять на него через консультантов или через Игоряна, который с ним дружил, и с которым мы уже занимались улучшением меню.

К консультантам тоже нельзя было просто зайти и предложить свой фильм, здесь нужна была хитрость. Категорически нельзя было прийти к ним только с этим вопросом, это было бы расценено как нарушение чьих-то границ. Тут сразу приходили на ум наработки М. М. Исаева, в простонародье Штирлица, а именно: «Как войти в разговор и как выйти из него». Вопросов, с которыми можно обратиться к

консультанту, было хоть отбавляй, но в конце, как бы ненароком, нужно было поинтересоваться, а не смотрел ли он такой-то фильм. Как правило, этот вопрос вызывал интерес у всех консультантов, и они начинали гуглить в своих смартфонах. Оставалось только напомнить, что скоро выходные и этот фильм неплохо всем пойдет. Тогда я вспомнил, что не посмотрел ни одного оскароносного фильма 2021 года, так как во время церемонии награждения у меня был запой. Узнать названия картин не составляло особого труда, достаточно было попросить волонтеров залезть в интернет и переписать названия. Оскароносных фильмов оказалось много, и выбирали долго, в итоге остановились на «Земле кочевников».

Это был провал. Наша столовая с черными натяжными потолками совсем не была театром «Долби» в Лос-Анджелесе, да и зрители не были киноакадемиками, поэтому фильм забраковали с первых минут. Он в самом деле был не для этой тусовки – скучный, депрессивный и тревожный. Недовольству не было предела. В воскресенье посмотрели еще «Манк» Дэвида Финчера, в котором я был более чем уверен, основываясь на опыте прошлых работ режиссера, но он тоже не зашел ввиду сложности авторского восприятия. Поэтому я решил в дальнейшем продвигать только проверенные и беспроблемные фильмы – типа «Игры» того же Дэвида Финчера, или что-то загадочно-динамичное типа «V – значит вендетта». Да и сама премия «Оскар» давно уже начала

меня разочаровывать, не те последние годы пошли фильмы, и не тот уже стал Голливуд.

Нужно сказать, что общее недовольство было большим стрессом для «дискоменов», и они сильно переживали, когда только ленивый не давил на чувство вины на перекурах после неудачного фильма.

Учтя свои ошибки, я напряг память и вспомнил все самые мощные фильмы, которые смотрел в последнее время. В основном спросом пользовались картины братьев Коэн, Тома Тыквера и все того же Дэвида Финчера, которые мы посмотрели почти все, кроме «Бойцовского клуба».

Когда Дэнчик стал «дискоменом» повторно, заменив уехавшего на кемпинг азербайджанца Фариды (летом несколько человек уезжали в Смоленск на слет реабилитантов Московской области), с ним уже проблем не было, достаточно только было его воодушевить, сказав что-то, типа: «После этого фильма ты станешь лучшим „дискоменом“ в истории реабилитации». На него это действовало как заклинание.

Много «дискоменов» еще сменилось, прежде чем я сам не занял эту ответственную позицию. Остальные же приходили на две недели, и так же бесславно уходили. Были такие, с которыми контакта не получилось, типа Саши П., или с кем разгорелась откровенная война, типа Максима. Были откровенные бестолочи, типа Светочки В. или Альберта, которые умудрялись вообще оставить всех без фильма на выходных.

К каждому нужен был свой подход. В общем, «дискоменов» было много, а я один, и на всех меня не хватало, нужно же было еще решать проблемы питания, поэтому получить полную власть у меня не получилось, так, процентов на шестьдесят максимум. И впоследствии никто уже не возмущался тому, что смотрит фильмы по «моему списку», кроме Стаса-балерины, которому не нравилось все, что я делал.

А когда наконец я стал «дискоменом» на свои законные две недели, я знал, что недовольные будут всегда, и, чтобы не чувствовать себя виноватым перед ними, заготовил дежурную фразу – золотые слова Саши Ж: «А не надо было бухать!!!». Это действовало на всех более чем отрезвляюще, и никто после этих слов возмущаться уже не желал. Это случилось где-то на четвертом месяце моего пребывания, а затем, после законных двух недель абсолютной власти, опять тень, интриги и манипуляции.

Глава 14

1 августа

*Не нужно чипсов из детеньшей панды.
Не нужно делать из жизни драмы.
Чтоб в этой жизни счастливым быть,
Нужно немного просто любить.*

1 августа был удивительный день. Все встретились на чайхане в 8:30, на полчаса позже, чем обычно, так как было воскресенье.

Было уже не так жарко, как в июле, но солнце иногда еще припекало. Все выпили кофе и пошли на перекур. С утра с соседней базы доносилась бессмертная песня Полины Гагариной «Спектакль окончен».

Утром ожидалась очень трогательная церемония – Выписка Димы А. Человеку, прошедшему полный курс, вручали диплом и провожали его в трезвую жизнь. А также благодарили, желали всяческих успехов, и он должен был поблагодарить всех, включая консультантов, руководство, волонтеров и резидентов.

Дима А. был очень авторитетным человеком и последние две недели был по функции «президентом». Я его знал почти два месяца, и у меня с ним сложились хорошие отношения, не дружеские, но хорошие.

Двумя днями ранее я попросил, чтобы после *Выписки* он оставил мне свою папку с дельфинчиком. Нужно отметить, что любые канцелярские принадлежности в Центре были в дефиците, а востребованы они там очень сильно, так как разной писанины было много и тетрадок приходилось носить с собой порядком. Папка с дельфинчиком была в неплохом состоянии – особенно в сравнении с той бумажной «трухой», которая была у остальных. К тому же папка Димы стала бы для меня элементом престижа, ведь я получил ее от такого уважаемого человека.

Папку он обещал отдать перед *Выпиской*.

Утром я увидел его с этой папкой и решил, что он забыл. Сразу появилось чувство тревоги и досады.

«Точно забыл, – думал я. – Вот те и президент!»

Но ему было не до этого. По мере приближения к *Выписке* атмосфера в Центре становилась все более нервно-торжественной. На *Выписку* должны были приехать родственники Димы А., а приезд новых людей – это дополнительный стресс, как ни крути. На *Выписку* явились Димины отец, мать, сестра, жена и ребенок: мальчик лет четырех с золотисто-курчавыми волосами.

Когда настал час икс, Дима, как ни в чем не бывало, сел на стул, который поставили специально для него. Рядом, на диване в групповой, уже сидели его родственники. В руках у Димы была папка с дельфинчиком, которую он завещал мне.

«Передумал, наверное, отдавать», – я уже мысленно мах-

нул рукой на папку.

Но Дима А. ничего не забывал. Он был бывший военный и очень ответственный и обязательный человек. Он достал из папки какую-то тетрадку, а потом встал, пересек групповую и протянул эту долгожданную синюю папку мне. Я почувствовал такое пронзительное благоговение, как будто Иисус спустился с небес. Началась *Выписка*. Все подозревали, что мероприятие будет трогательным, но чтобы настолько, этого предвидеть никто не мог.

Дима прочитал свои последние задания и начал благодарить всех по списку, который был составлен по алфавиту. Меня он поблагодарил в первых рядах, т. к. мое имя начинается на А. У многих, в том числе у меня, начали наворачиваться слезы на глаза. Я смотрел на Настеньку, которая зарыдала первая, на Таню, на Германа, у которого начиналась истерика. (Кстати, когда потом выписывался Герман, все только радовались.) Затем все по очереди начали благодарить Диму А. Это было так трогательно, что я с трудом себя сдерживал.

Наконец, по кругу пустили Димин диплом, который каждый должен был подержать в руках, как бы зарядив его – такая необычная церемония. Затем те, кто уже зарядил диплом, начинали хлопать в ладоши, постепенно ускоряя темп. Чем ближе диплом приближался к Диме, тем громче и чаще становились хлопки. Это добавляло драматизма. Я едва сдерживался, а глядя на других, чувствовал себя еще ху-

же. Я никак не мог понять в тот момент: почему эта, в общем-то, радостная церемония отдает таким трауром? Да, все привыкли к Диме, к его бескорыстной помощи. Но ведь все знали, что Дима вернется к нам через два дня уже в новом статусе волонтера.

По окончании устроили небольшой концерт, на котором выступил под гитару тот самый старик с седой бородкой, которого привезли сюда вместе со мной из Москвы. Мероприятие закончилось. Но этот день продолжал меня удивлять.

После обеда все, в соответствии с расписанием, отправились на просмотр программного фильма. Программные фильмы, как правило, были про наркоманов. В этот раз нам решили показать «Cherry» («По наклонной»). Фильм оказался на редкость удачный и свежий и вызвал у всех кучу положительных эмоций. Многие отдохнули и отвлеклись. И опять я подумал, что на сегодняшний день все хорошее закончилось. Но это опять было опять не так.

Вечером, по традиции, на ГСП была «спикерская» (это когда кто-то из числа бывших реабилитантов рассказывает про себя, иногда в записи или по интернету). Мало кто любил «спикерские», и большинство просто отсиживали этот час, не видя в этом никакой пользы. Я думал, что так будет и в этот раз. Все сели в столовой в круг. В центр поставили большую беспроводную колонку и через блютуз включили запись.

То, что было потом, сразу же меня заинтересовало. Из ко-

лонки раздался грубовато-приятный голос какого-то американца. Манера говорить сразу же напомнила мне Аль Пачино, которого я безгранично уважаю. Слова говорившего переводил переводчик с прикольным голосом, добавляя незаменимого сленга, который напомнил мне Д. Пучкова, в простонародии «Гоблина». Оказалось, что человек с американским акцентом – Вито Эл, итальянец из Бронкса, родившийся в 1940 году (и это тоже связывало его с Аль Пачино). Я заинтересовался еще больше и понял, что нужно слушать внимательно. (Просто я полагал, что итальянцы часто говорят интересные вещи.) Сначала он немного рассказал о своем детстве, про то, как во время Второй Мировой войны, в пятилетнем возрасте, он нюхал какую-то «Карбону». Как попал в группы АА и АН. Говорил, что не верил в Бога, но молился и занимался медитацией, чтобы получить ответы на волнующие его вопросы. Вито Эл считал, что посещение анонимных групп имеет огромный смысл (до этого момента у меня было противоположное мнение). И, наконец, он стал рассказывать про программу «12 шагов», раскрывая ее шаг за шагом. И я взглянул на нее другими глазами. Буквально за час я понял то, что не смог объяснить мне никто за два месяца здесь и за шесть в прошлой реабилитации. Я осознал, что «12 шагов» – действительно великая вещь. И не только для зависимых. Потому что все люди, в той или иной степени, зависимые. И еще я понял, что этой программе уже не одна тысяча лет, ведь ее принципы, по сути, описаны и в Библии,

и в Коране.

Словом, я на всю жизнь запомнил этого мудрого старика из Бронкса и остался в восторге от этого дня. Если честно, я ощущал какое-то просветление в тот момент.

После «спикерской», сам не знаю почему, я решил зайти в консультантскую и поблагодарить консультантов за этот день. Частым гостем я там не был, в силу того, что я не любил этих людей, да и они меня тоже. Да и вообще, я опасался заходить в консультантскую. Но теперь зашел. На смене были Дима Г. и Александр Дмитрич. Узнав, что я хочу выразить свою благодарность, они слегка удивились, так как к ним я прежде заходил исключительно по двум вопросам: улучшение питания и здоровье. А тут я явился, чтобы поблагодарить их за этот день. Пожав им руки, я произнес слова признательности. Они были шокированы. На их лицах была смесь удивления и замешательства.

«Что еще он задумал? – думал, наверное, Дима Г., ожидая подвоха. – Этот алкаш херов ходит сюда только чтобы доставать нас своими вопросами!» Выразив свою благодарность, я, слегка волнуясь, вышел из «конторы». Мне очень хотелось бы узнать, о чем они говорили после моего ухода, но увы. Этот день навсегда останется в моей памяти как день зарождения надежды, а может, и веры. Во что я уверовал, я и сам тогда еще не понимал. Но что-то уже изменилось в моем сознании.

Глава 15

Звонки

*Есть один большой секрет,
Моросить мне или нет?
Но с табличкой чувств в кармане
Мне не страшен даже Сталин.*

На втором месте по накалу страстей и негативных эмоций после *Утреннего собрания* были телефонные звонки родственникам. Они разрешались два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям, и все ждали их с нетерпением. Во время этих звонков все, в основном, пытались «продавить» родственников, упросить их дать согласие на прекращение курса реабилитации. Еще просили деньги и спрашивались, как дела на воле.

Каждому отводилось на телефонный звонок ровно пять минут. За превышение лимита времени даже на секунду можно было получить замечание, а три замечания уже грозили лишением звонков на неделю и еще некоторыми неудобствами. Болтать обо всем, что хочется, было нельзя. В идеале нужно было благодарить родственников, говорить про хорошее, рассказывать про выздоровление и про изменения, которые ты заметил в себе. Но такими «идеальными» разговорами бывали, пожалуй, только беседы «дембелей» с близ-

кими. Попытка реабилитанта «давить» на родственников на тамошнем сленге называлась «моросить на звонке». «Моросить», вообще-то, можно было не только во время звонка, а когда угодно, этим странным словом называлось любое неподчинение властям.

Грамотно моросить на телефонном звонке было особым искусством, подвластным далеко не всем, однако на телефонных звонках моросили абсолютно все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.